

*Янкель
Шнайдерман.
Директор,
который
любил петь*

*Янкель
Шнайдерман.
Директор,
который
любил петь*

Биробиджан
2019

*Памяти
Янкеля Ароновича
Шнайдермана*

Не всякий, кто с ножом, уже бандит,
Любые варианты здесь возможны.
Вот мальчик – Янкель – с ножиком сидит,
Он режет кожу, нож его сапожный.

Он нежно напевает свой мотив,
И пусть не каждый эту песню понимает.
Поёт про то, как дорог, как красив
Его любимый город Николаев.

Там яблоки, таких здесь не растёт.
Там улицы все шире и богаче...
Он режет кожу, плачет и поёт,
Живёт как может жить, и не иначе.

Куда он только с мамой не бежал!
И жизнь нигде не называлась раем.
За окнами – зима, Биробиджан.
Когда-нибудь он станет чудным краем.

И каждый раз в той песне больше слов:
Нашёл друзей, привычная работа,
Учёба, танцы, первая любовь,
Женитьба, дом, семейные заботы...

Улыбки дарят хохмы сыновей.
Дай Бог здоровья Гене за подарки.
Он мастер, уважаемый еврей.
И жить уже и весело, и жарко.

Ох, эти песни, нотки и слова!..
Весёлые, на карусель похожи.
А в городе о Янкеле молва:
Он обувной король, магистр кожи.

Его, порой, в цехах, как Бога ждут.
Болячки каждого – сейчас его задачи.
Большие люди крепко руку жмут,
Машина, кабинет... А как иначе?!

Но под бокальный ресторанный звон,
В кругу друзей, с мальчишками на даче,
Как прежде распевает песни он,
На бис поёт, а в песнях – пьют и плачут.

Все вспоминают детство и войну,
Бомбёжки, хлеб по карточкам и слёзы,
Большие стройки, БАМ и целину.
А то поют про белые берёзы.

Поминки. Плачет чей-то телефон.
Охрипла запись, будто после пьянки.
Налейте водки. Узнаёте? Он!
Помянем. Вам поёт покойный Янкель.

Александр Драбкин

Любимый город Николаев

Не так давно учёные-генетики сделали открытие, суть которого в том, что территориально-этническое происхождение мужчины можно определить, исследуя его гены и обратив внимание на Y-хромосому. Какое отношение это достижение науки имеет к нашему герою Янкелю Ароновичу Шнайдерману, вы обязательно поймёте, когда я расскажу вам о месте его рождения.

Он родился в 1930 году на Украине, в городе Николаеве. Замечательный и исторически значимый этот город основал светлейший князь Григорий Потёмкин, после того как в 1788 году, 17 декабря, взял штурмом крепость Очаков.

«И что дальше? – законно спросите вы. – Шнайдерман – еврей, вряд ли его предки участвовали во взятии Очакова, потому что они были сапожниками! И сам Шнайдерман был сапожником до мозга костей: сначала ремонтировал обувь, после руководил огромной по советским временам обувной фабрикой...» Но таки дайте договорить!

Однажды финансист светлейшего князя Григория Потёмкина познакомил его с еврейским банкиром, имеющим очень музыкальные имя и фамилию – Нотой Ноткиным. Он получил от князя подряд на снабжение продовольствием и фуражом всей потёмкинской армии, застрявшей в молдавских степях. Потом Ноткин лично мотался по просёлочным дорогам, сопровождая караваны с провиантом, рисковал жизнью и богател. Правда, богател он тогда больше долговыми расписками Потёмкина, но это к делу не относится.

Банкир-еврей был не только ловким дельцом, но и лидером с великою мечтой. Всю жизнь он наблюдал, как его соплеменники, попавшие в черту оседлости, обречены на прозябание в городках и местечках и занятия, приносящие сущие гроши. Однажды, встретившись с князем Куракиным, Нота Ноткин представил ему «Проект переселения евреев» на плодородные степи близ черноморских портов для земледелия, разведения овец и создания суконной и прядильной промышленности, «к чему мастеровые люди из сего народа обучены». План Ноты Ноткина успехом не увенчался, но этот человек вошёл в историю как спаситель еврейского народа, остановивший депортацию евреев в Сибирь.

Из Николаева в Биробиджан через войну

Исторические связи внутри народа сильны. И это видно даже на примере судьбы одной семьи, одного человека. Еврей Янкель Шнайдерман тоже унаследовал от своих предков не только владение сапожным ремеслом, но и хозяйственную жилку, деловые качества, способность заботиться о людях, развивать производство, создавать что-то новое.

Янкель с детства наблюдал, как ловко орудут ножом да шилом его дед и отец, знал, что представляют из себя обувные колодки и кожа, в те годы ещё настоящая. Когда мать привезла их с братом в Биробиджан, Янкель уже умел не только ремонтировать, но и шить обувь.

Первая половина 1930-х годов. Семья Шнайдерман.
Мальчик на нижнем фото и он же в центре на верхнем — Янкель.

Июнь 1949 г. Биробиджан. С товарищами.
Янкель — в ряду тех, кто сидит, третий справа.

В суровые послевоенные годы его навыки мастерового были весьма востребованы. Но характер!.. Я вас умоляю!.. Характер Янкеля никак не соответствовал сидячей работе. Ему всегда нужно было куда-то идти, что-то организовывать, чтобы было полезно и весело. В маленьком деревянном Биробиджане таким энергичным парням, как он, всегда было куда приложить руки, повернуть голову и увидеть что-то, что можно сделать лучше, чем есть.

Для начала молодой обувщик решил внести поправки в собственное образование, которого не хватало, как не хватает иногда денег до зарплаты. Но деньги всё же можно занять, а образование в долг ну никак не возьмёшь. Хотя бы потому, что отдавать будет нечем.

Вечерняя сменная школа, которую иногда называли школой рабочей молодёжи, в Биробиджане располагалась на Комсомольской улице: там, где раньше стояла первая школа, а сейчас — замороженный долгострой неизвестного происхождения. Так вот, за восьмилетним, а позже и за средним образованием ходили именно сюда.

А за невестами — так это в парк. Сейчас словами не передать, какой был парк в Биробиджане! Говорят, вход был платным, но стоил недорого. Лёгкий мостик, перекинутый через два водоёма, соединял парк с городом. Там люди знакомились — чтобы создавать семьи и рожать детей, которые тоже будут ходить в этот парк. Там — в молодом ещё, зелёном парке — Янкель познакомился с Геней. Она тоже была из переселенцев, работала помощницей повара, а потом — калькулятором в деревянной чайной, что стояла на городском рынке.

У них было до боли одинаковое детство — голодное и счастливое одновременно. «Почему счастливое?» — спросите вы. Потому что родители, светлая им память, в войну успели спасти их от концентрационных лагерей, гетто, а может, и от уничтожения.

Судьба евреев

Шнайдерманы перед войной жили в Николаеве. Жили неплохо. Отец был обувщиком, делал заготовки к обуви. Когда к городу подошли немцы, он успел отправить семью баржей в Астрахань. Янкель всю жизнь помнил, как добирались до Северного Казахстана, как по дороге их бомбили... В небольшой деревне, где удалось остановиться, он пас лошадей – пока однажды не получил серьёзное нарекание от руководства колхоза из-за ночного недосмотра: одна лошадь куда-то ушла. Потом Янкель помогал печь хлеб на хлебозаводе. Возможность время от времени приносить в дом дополнительную порцию еды сделала Янкеля кормильцем. Ему было всего одиннадцать лет.

С САЙТА JEWAGE.ORG:

К началу Второй мировой войны в Николаеве проживало 25 тысяч евреев. 15 августа 1941 года город был занят немецкими войсками. Часть евреев эвакуировалась вместе с судостроительными заводами в Астрахань, Сталинград, на Кавказ. Однако большинство – более 13 000 человек – этого сделать не успели. Те, кто остался, обязаны были носить отличительный знак. Они подвергались многочисленным поборам и издевательствам. Евреи были обречены на уничтожение. В августе 1941 года айнцацкоманда 11а расстреляла в районе городского кладбища 227 евреев. 14 сентября начальник айнцацкоманды приказал всем евреям города явиться 16 сентября для регистрации с документами, предметами первой необходимости и ценными вещами. Пункт регистрации находился в районе старого еврейского кладбища (сейчас на этом месте зоопарк). Около пяти тысяч человек были расстреляны прямо на кладбище, остальных на машинах в течение трёх дней вывозили за пределы города. В оврагах между сёлами Воскресенское и Калиновка у них сначала отбирали ценности, затем приказывали раздеться и расстреливали. В документах созданной во время войны Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний оккупантов содержатся свидетельства, что немцы «брали у каждой женщины из рук ребёнка и на глазах расстреливали его, а некоторых детей живыми бросали в овраг, где находились трупы расстрелянных». На месте расстрелов были произведены взрывы. Позже трупы были сожжены.

В 1942 году в Николаеве был создан рабочий лагерь, в который привозили евреев из других городов Украины. Заключение в лагерь были уничтожены в конце 1942 – начале 1943 года.

Сразу после войны семья Шнайдерман вернулась в Николаев. Янкель работал в обувной мастерской, где дядя Григорий, брат отца, учил его ремонтировать и шить обувь. Арон тоже вернулся с фронта. Но только для того, чтобы забрать личные вещи. Причиной ухода из семьи стал нередкий в те годы военно-полевой роман. До конца жизни Янкель так и не простил отца.

В 1966-м он с женой и сыновьями Олегом и Мишей побывали в Николаеве. Там, за столом у Григория, собрались человек пятнадцать. В квартиру вошёл высокий мужчина – с лицом Янкеля, только гораздо старше. Он приветливо поздоровался со всеми, но... Янкель вдруг схватил со стола бутылку и хотел запустить ею в гостя. Его остановили...

В тот раз война явилась Янкелю в непощении. Мы уже никогда не узнаем, где, когда, как часто и в какой ещё личине догоняла его война.

Геня Айзиковна родилась в местечке Саврань Одесской области. В 1942–1944 годах там находился лагерь для евреев из Бессарабии, в котором погибло более ста человек. Среди них был и Мордхе Коряк, дед Гени и её младшей сестры Майи. Сейчас в Саврани евреев нет совсем. Об их пребывании здесь напоминает только памятник тем, кого расстреляли немцы, да ещё остатки еврейского кладбища, где местным жителям нравится устраивать пикники. На этом кладбище похоронена мать Гени – Сурлея, она умерла зимой 1940 года.

ИЗ ЖУРНАЛА «МОЙ ШТЕТЛ» – MYSHTETL.ORG:

Летом 1941-го местечко Саврань заняли германо-румынские войска. В октябре евреи Савранского района были депортированы в Винницкую область. В самой Саврани было убито 18 евреев.

Геня, Майя и их мачеха Яха Ефимовна Турчинская убежали из Саврани, когда немцы уже фактически входили в местечко. Девочкам запомнилось, как «немцы висели на деревьях» – видимо, это был какой-то десант.

Потом они ехали в Среднюю Азию на поезде, именуемом в народе «пятьсот весёлым». В Сталинабаде, куда они эвакуировались, Геню хотели отдать в детский дом, но, увидев в приёмнике-распределителе, как маленькие девчонки уже курят и воюют, мачеха пожалела её и забрала назад в семью.

В одиннадцать лет Геня торговала питьевой водой на рынке, продавала папиросы.

Ой-ой-ой-ой, купите папиросы!
Подходи, пехота и матросы!
Подходите, не жалеите,
Сироту меня согрейте,
Посмотрите: ноги мои босы...

Песни, как дети, рождаются от людей, от их мук и радостей. Геня Айзиковна законно считает, что эта песня – о её жизни. В одном из вариантов текста есть слова «Мой отец в бою с врагами без вести пропал». Айзик Глухов тоже пропал без вести – под Харьковом в 1942 году.

Когда подросла, Геня стала работать курьером в райсобесе: разносила повестки и за это получала талоны на отрезки ткани. Яха продавала эти отрезки на рынке – и от этого в доме было что покушать.

После войны они вернулись в Саврань. Родительский дом девочек уцелел – во время войны в нём жил румынский комендант. Мачеха хотела забрать Майю и уехать, но Геня сестру не отдала. Так они вдвоём и остались. Гене было пятнадцать лет, Майе шесть. Девочкам немного помогали в райисполкоме, давали кукурузную муку, что-то ещё. А потом за ними приехала тётя Маня – сестра матери – и увезла их в Биробиджан.

Тётя Маня — Маня Мордховна Коряк, сестра матери, увезла девочек в Биробиджан, когда Гене было пятнадцать лет, а Майе шесть.

1959 г. Майя прожила в доме старшей сестры и её мужа Янкеля до самого замужества.

Жизнь. Одна на двоих

Рассказывает Геня Айзиковна Шнайдерман, вдова Янкеля Ароновича:

– Мы приехали в Биробиджан в 1947 году. Нас – меня и младшую сестру Майю – привезла тётя Маня Мордховна Коряк. В Валдгейме жил родной брат нашего отца Фавл Глухов. А нам жить было негде. Я иногда ночевала у подруги, иногда в яслях, где работала тётя. Сестра какое-то время была в детском доме. Тёте долго не давали квартиру, а потом она получила одну комнату в бараке.

Когда мы познакомились с Янкелем, я работала калькулятором в чайной на рынке. Янкель был красивым парнем. Он очень скучал по Николаеву. Когда они с братом гуляли по Биробиджану, всё время пели песню «Я скучаю по Николаеву». Я посмотрела на него – красивый, хорошо поёт, весёлый – и сказала: «За этого парня я выйду замуж».

Мы поженились в 1949-м. Янкель специально на свадьбу сшил для невесты свадебные туфельки. Это была хорошая свадьба! Его мама сделала гефилте фиш – фаршированную рыбу, другие блюда – так что было не стыдно от людей. На свадьбе были только свои.

Сначала мы хотели снять квартиру и жить отдельно, но потом поселились все вместе в деревянном доме на Безымянке. Сейчас дома этого, конечно, нет. От старой Безымянки осталось только название автобусной остановки. В одной комнате жили мы с Янкелем, его мама и Майя – мы забрали её из детдома сразу, как поженились. Помните: раньше, если жених брал невесту с ребёнком, её в шутку называли «невеста с приданным». Янкель взял меня в жёны тоже с «приданным», только у меня была не дочь, а младшая сестра. Майя не росла сиротой, она окончила школу, потом институт, работала преподавателем в Биробиджанском педагогическом училище, и всё это во многом благодаря моему мужу. Он относился к ней как к родной, до самого замужества она жила вместе с нами.

В 1950 году у нас родился первый сын Олег, мы тогда всё ещё жили на Безымянке. Чуть позже мы получили квартиру в районе ТЭЦ, там было уже две комнаты. В 1954-м родился второй сын – Михаил.

Мы оба работали. Я – калькулятором в ресторане «Восток», Янкель – на обувной фабрике: сначала рабочим, потом мастером, главным инженером, директором. Учились тоже одновременно. Сначала в вечерней школе, потом в институтах. Он – в институте лёгкой промышленности, я – в торговом. И хоть работа у каждого своя, радости общие: дети. Дети – главное, ради чего стоит жить! Возьмите, например, мою свекровь Хасю Мейеровну – что видела она в жизни, кроме своих замечательных детей?! И чужих детей, кстати, тоже... Она всегда работала нянечкой. Сразу после войны муж оставил её с двумя несовершеннолетними мальчишками, так она привезла их в Биробиджан, вырастила здесь. Она и нам потом всегда помо-

гала чем могла. Чем, скажете, могла помогать простая нянечка из Дома ребёнка? Своей любовью, умением накормить из ничего!.. Она нянчилась с внуками, когда и я, и Янкель работали, учились, ездили в командировки. Было время, когда бабушка для моих сыновей была важнее, чем мы, родители. Младший брат Янкеля Борис тоже получил образование, много лет строил наш город, работая в разных должностях в СУ-256. Сейчас он живёт в Израиле.

Хася Мейеровна
Шнайдерман,
мать Янкеля,
всю жизнь
проработала
нянечкой
в Доме ребёнка.

Брат Янкеля
Борис много лет
проработал
в строительной
отрасли. Когда
вышел на пенсию,
переехал
из Биробиджана
в израильский
город Ашдод.

*Дом построил.
Сыновей вырастил.
Деревья посадил*

Вы только посмотрите на нынешний Биробиджан! Сколько в нём домов, которые отгорожены друг от друга высокими прочными заборами! Сколько из них охраняются злыми псами, сколько пустыми стоят под охраной сигнализации... В те годы, о которых мы говорим, в Биробиджане вряд ли можно было выстроить огромный коттедж всем на зависть. Зато можно было построить «свою» фабрику и этим навсегда оставить городу память о себе.

Янкель строил новую фабрику такой, как себе представлял. Она должна была стать не просто огромным предприятием по производству хорошей обуви. Работники фабрики должны были уважать и понимать друг друга.

А что касается своих собственных домов, то их, конечно, и в советские времена строили. В основном в районе 13-го километра Биршоссе, и дома эти назывались дачами. Участки нарезали по предприятиям. Здесь строились и обустроивались швейники, напротив – дальсельмашевцы, рядом – силовики, работники завода силовых трансформаторов... У обувщиков тоже были свои участки – по шесть соток на каждого. Там корчевались деревья, строились домишки – вкривь и вкось, кто как может. Но не это было главным, главным было общение!

Когда дачники уносили в сараи свои тямки и лопаты, они накрывали общий стол и начинали радоваться жизни. Пили и пели, рассказывали свежие еврейские анекдоты... И сам директор фабрики становился таким же простым дачником: весёлым, активным, жизнерадостным, сам пахал, сам строил, сам пел и шутил за общим столом.

На фабрике Янкель Аронович был строгим, требовательным, но справедливым руководителем. Дома – добрым отцом, не забывавшим, однако, вбивать в сознание сыновей ценности, которые стремился в них воспитать. «Старайтесь быть первыми, – говорил он. – Первых уважают, на них равняются. Требуйте от себя столько же, сколько от других. Будьте порядочны, люди ценят это больше всего». Его ребята выросли, и каждый в своём деле стал настоящим специалистом.

Олег возглавляет пекарню, созданную отцом в Биробиджане ещё в перестроечные годы. Михаил живёт в Москве. Он руководит компанией по внедрению цифровых технологий в нефтяную промышленность. У обоих есть дети и внуки. Все получили достойное образование, состоялись в семье и профессии, выросли уважаемыми людьми. А как иначе?! Как настоящий еврей Янкель Шнайдерман передал потомкам всё самое хорошее из того, чем владел в жизни сам.

Вторая половина 1950-х. Янкель Аронович, Геня Айзиковна
и их сыновья Олег и Миша.

Детям, внукам и правнукам
Янкель Аронович Шнайдерман
оставил лучшее из того,
что было у него самого.

И семья платила ему
взаимностью.

Например, сын Олега
Вячеслав прилетал погостить
к любимому деду из Израиля
на все значимые праздники.

Она и сейчас просто «обувка»

Держать ноги в тепле и комфорте – не традиция, а жизненная необходимость. В деревянном Биробиджане это понимали не хуже, чем мы сейчас, в веке высоких технологий. В сапожниках здесь дефицита не было. Когда их набралось достаточное количество, на улице Ленина, в одном из деревянных – других не было – домов организовали сапожную мастерскую. «Майне сони зол зайн (Чтобы моим врагам так)», сказала бы моя бабушка – но не о качестве работы мастеров, а о том, в каких условиях им приходилось работать.

Янкель Аронович рассказывал, что та деревянная постройка держалась на подпорках – как изнутри, так и снаружи. Зимой сапожники сначала кололи дрова и затапливали печь, и только потом можно было приступить к работе. Всё оборудование состояло из пяти швейных машин и одного фрезерного станка. Подошву крепили деревянными шпильками – и ниче-

го, не разваливалась! Так могло продолжаться ещё долго, если бы не приехавший однажды в Биробиджан технический инспектор ЦК профсоюзов. Он вынес предписание о закрытии мастерской в связи с её аварийным состоянием. Даже в годы, когда о безработице в СССР никто и не слышал, остаться на улице, пусть и временно, не хотелось никому. Кто-то из заинтересованных лиц узнал, что заместитель председателя облисполкома Семён Наумович Кадинер находится в Москве на совещании. Ему направили телеграмму, в которой сообщили о безрадостных перспективах мастерской. Ответ получили на правительственном бланке: «Прекратить разговоры о закрытии. Работайте до моего приезда». Работали. А Кадинер привёз из Москвы деньги на строительство общежития на 64 места. Его построили, в это же здание перевели сапожную мастерскую. Оно по сей день на месте, более того, здесь по-прежнему чинят обувь.

Новую фабрику – аккурат напротив «старой обуви» – начали строить, когда Янкель Аронович уже был директором. Конечно, им он стал не сразу. Из рабочих его сделали мастером, потом, в 1957 году, – главным инженером, а директором – уже только 1962 году. Какое-то время он был директором сразу двух фабрик. Руководил старой, потому как обязанность выполнять государственный план с него никто не снимал, и в то же время возглавлял строительство новой фабрики в четыре этажа.

На первый взгляд, всё просто: фабрики-то всего через дорогу. Дождался, пока проедут машины, – и вперёд! Но в действительности всё по-другому. Дать жизнь новому предприятию, где уровень производства и продуктивность в разы выше прежних – это всё равно, что шагнуть из одной эпохи в другую.

В 1972 году заработали станки и конвейеры шести основных и пяти вспомогательных цехов. А до этого необходимо было обучить самых разных специалистов обувного производства.

Здесь появились даже свои химики, которые производили обувной клей в промышленных масштабах.

Янкель Шнайдерман умел примечать надёжных и перспективных работников, доверять им, жить с ними одной жизнью.

Со дня строительства фабрики и до запуска полноценного производства рядом с ним работали главный инженер фабрики Виктор Чернышов, супруги Давид и Эмма Смикун, Нелли Нехамкина, Бронислава Адольфовна Щербова – бессменный главный бухгалтер фабрики. Чуть позже приехали и стали прочной опорой в производственных делах Альбина и Михаил Пищиц, молодые специалисты из города Иваново. Работал на фабрике и земляк Шнайдермана Игорь Светницкий из Николаева, он возглавлял пошивочный цех.

Друзьями не только по службе, но и в жизни для семьи Шнайдерман стали начальник закройного цеха Григорий Дубинский и его жена Роза. Много лет прошло, как они уехали в Германию, но все эти годы Дубинские выходили на связь как минимум раз в неделю. Розы уже нет, Янкеля Ароновича тоже. Но Григорий Самойлович всё так же звонит, и они с Геней Айзиковной всегда находят, о чём поговорить.

Найти общий язык с коллективом – бесценное умение для руководителя. Шнайдерман в этом, бесспорно, преуспел.

А контингент на фабрике, случалось, складывался особый. Здесь трудились поднадзорные спецкомендатуры – осуждённые женщины, которым разрешалось работать на производстве. Многие, отбыв наказание, так и оставались на «обувке».

В конце восьмидесятых на фабрику приехали молодые вьетнамки, человек сорок или пятьдесят. По официальной версии – для того чтобы освоить обувное производство, в реальности – в качестве дополнительной рабочей силы. Биробиджанская обувная фабрика была способна изготавливать около трёх миллионов пар обуви в год. Нужного количества рабочих рук в нашем маленьком городе попросту не было.

Как-то Янкель Аронович пригласил на стажировку триста гражданок Северной Кореи. Женщины и девушки приехали в Биробиджан чуть ли не в военной форме, строем ходили в столовую и были в восторге от ассортимента блюд.

Ни корейского, ни вьетнамского языка Янкель Шнайдерман не знал, «феней» тоже не владел, но его прекрасно понимали как дамы с уголовным прошлым, так и посланницы дружественных нам государств.

Зато он с малолетства, кроме русского, понимал украинский и идиш. Не то чтобы свободно владел, но песни пел – заслушаешься. Слова не коверкал, в интонациях не переигрывал. Ему моя бабушка никогда не сказала бы «Эр рэд, ви а гой кримцах (Он говорит, как нееврей кривляется)».

Когда настали трудные годы, директор «свою» фабрику не бросил. Янкель Аронович одним из первых осознал причины и последствия противостояния качественных отечественных моделей обуви и копеечного китайского ширпотреба и принял неизбежность перехода на современные методы и формы работы.

1957 г. С коллективом Биробиджанской обувной фабрики.
На нижнем фото в центре — главный инженер Виктор Чернышов.

1980 г.

ПО ЛИЧНОМУ ВОПРОСУ

Илья Владимирович Подойницын – пенсионер, бывший рабочий Биробиджанской обувной фабрики:

– Я отработал на обувной фабрике примерно 25 лет, фактически с первого дня введения в строй нового корпуса. Директора видел только тогда, когда он приходил в цех в связи с какими-то проблемами, ну ещё на торжественных собраниях, где Шнайдерман вручал почётные грамоты и знаки «Победитель социалистического соревнования». Так случилось, что с первой женой мы разошлись, а со второй жили в общежитии на Бумагина, 6. Супруга тоже работала на фабрике – мастером цеха. Нужно было думать о будущем, и мы встали в очередь на жильё. Из деревни приехала моя престарелая мать, и мы решили прописать её в общежитии, ей ведь тоже нужно было где-то жить. Мама никакого отношения к фабрике не имела, но фактически жила с нами. Она нянчила нашу дочь, варила, фактически проводила вместе с нами всё время. Главный инженер предприятия, к которому я записался на приём и обратился с просьбой прописать маму вместе с нами, мне отказал. После этого я записался к Янкелю Ароновичу. Он расспросил меня, в какой ситуации я оказался, вошёл в моё положение и разрешил прописать маму в общежитии. В последствии, когда решался вопрос о предоставлении нам квартиры, жилищная комиссия учла это и жильё нам предоставили уже на всех. Спасибо Янкелю Ароновичу, руководителю и человеку, который сумел нас услышать.

ДЕРЖИСЬ, КОГДА ПОЖАЛОВАЛ ДИРЕКТОР

Альбина Константиновна Пищиц –
бывший начальник раскройного цеха обувной фабрики:

– Я приехала на фабрику в 1954 году, после окончания Ярославского техникума лёгкой промышленности. Фабрики тогда ещё не было, была мастерская на улице Ленина, в которой работало меньше ста человек. Фабрикой она стала называться только в 1959 году, когда построили двухэтажное здание на Пионерской улице. Я начала работу с должности контролёра, потом была мастером, начальником отдела технического контроля, и закончила работу начальником раскройного цеха. Все эти годы Янкель Аронович Шнайдерман работал рядом. Фабрика – единый организм, одна рабочая семья, во всяком случае, так было раньше. Янкель Аронович знал всех старых работников и даже их детей знал по именам. В жизни это был душевный и добрый человек, но на работе – очень требовательный, когда он заходил в цех, нужно было собрать нервы в кулак и ждать, с какими претензиями он мог пожаловать. Он очень любил чистоту и порядок в цехе, чтобы всё было на своих местах, а уж если что-то замечал, то спрашивал строго. Он сам был высокопрофессиональным специалистом. Производство знал от и до. Поэтому, когда выговаривал претензии на планёрках, они были конкретны и обоснованны. Очень внимательно выслушивал людей с их проблемами и заботами. При необходимости оказывал материальную помощь, и при этом его не нужно было умолять или уговаривать. Он сам всё хорошо понимал и чувствовал.

НАСТОЯЩИЙ ОБУВЩИК

Анна Семёновна Жолтикова –
бывший начальник раскройного цеха обувной фабрики:

– Он был строгий, справедливый, настоящий обувщик. Шнайдермана все уважали, но побаивались. Раньше вообще уважения было больше, чем сейчас. Он любил чистоту и порядок, чтобы люди не опаздывали. Я никогда, ни разу ничего плохого о нём не слышала. Он мог подойти к рабочему, стоящему на серьёзной операции, и поинтересоваться его мнением – почему идёт отрыв подошвы, например. Мы вместе ездили в командировки. В поездках вёл он себя очень просто, это был не столько директор, сколько весёлый и добрый попутчик. На советах директоров, где приходилось бывать, его все встречали с большим уважением. Все знали его и как отличного специалиста, и как компанейского человека, любящего радоваться жизни и петь.

*Жизнь не бывает
длинной*

Янкель Аронович Шнайдерман вышел на пенсию в 1995 году. Что вам сказать? Слово «пенсия» для таких людей, как он, – сплошная грусть. Неужели вы думаете, что он мог бы провести остаток жизни на даче?! Да нет, конечно! Организаторский опыт и житейская мудрость супруги Гени Айзиковны, энергия сына Олега плюс личное желание создавать что-то новое и нужное людям, не меньше, чем ноги в тепле, заставили его осмотреться, оценить собственные возможности и открыть хлебопекарню, которая стала работать по технологии «Дока-хлеб». Новое дело, новый коллектив, а требования и принципы всё те же: продукция должна быть лучшей в городе, она должна пользоваться спросом, её должны ждать. Всё, будь то новый сорт булочек или пирожное, сделанное по оригинальному рецепту, должно радовать людей.

Елена Пильщикова пришла на работу в хлебопекарню к Шнайдерману прямо как из поговорки «Не было бы счастья, да несчастье помогло». В 1995 году приказал долго жить Биробиджанский трест столовых и ресторанов, а вместе с ним и ресторан «Биробиджан» – старейшее предприятие общепита с замечательными традициями. Кондитер Елена Пильщикова, которая работала в этом ресторане и имела немалый опыт, осталась не у дел.

Врождённое чутьё на специалистов и преданных делу людей не дали Шнайдерману пройти мимо. Его маленькое предприятие тогда продавало только хлеб, выпускать кондитерские изделия здесь учились уже вместе с Пильщиковой. Когда не хватало хороших рецептов, в ход шли хорошие идеи. Так, например, на прилавках биробиджанских магазинов появилась национальная еврейская булка хала. По приглашению Янкеля Ароновича главный раввин ЕАО Мордехай Шейнер пришёл в пекарню, встал к печам и лично показывал, как нужно выпекать халу правильно, с соблюдением законов кашрута.

– Я больше, наверное, никогда не встречу такого руководителя, как Шнайдерман, – сказала мне Елена Назаровна. – Между собой мы называли его папой. Мы вместе работали и вместе радовались. На все праздники Янкель Аронович был с коллективом. Мы получали подарки и поздравления, про каждого из нас он знал всё: от состояния здоровья родителей до имён и способностей наших детей.

Он с удовольствием делился с людьми тем, что имел. И опытом тоже. Например, когда молодой предприниматель Станислав Кушнир тоже решил открыть пекарню, они стали не конкурентами, а коллегами, советовались, когда это было нужно.

Ещё одним домом Янкеля Шнайдермана была еврейская община «Фрейд». Он никогда не забывал о корнях, был в курсе всех проблем общины и всегда помогал. На еврейские праздники в общину из пекарни Шнайдермана привозили халу в

Врождённое чутьё
на специалистов
и преданных делу людей
всегда обеспечивали
Янкелю Шнайдерману
успех его предприятий.

количестве «чтобы всем хватило». Оплачивалась эта партия из средств предприятия – в пользу малоимущих и престарелых земляков. С нынешним председателем «Фрейда» Рахмилем Исааковичем Ледером они дружили многие годы, помогали друг другу – и как товарищи, и как евреи.

Друзья знают, что улыбка и поводы улыбнуться сопровождали его буквально повсюду. Однажды мишпуха встречала новый, 1962 год. По телевизору шёл «Голубой огонёк», и в центре внимания – Аркадий Райкин. Шнайдерман сидел ближе всех к телевизору, и когда увидел любимого артиста, решил добавить звук. Именно в этот момент Аркадий Исаакович произнёс: «Привет директору обувной фабрики!» Что после этого было, можно себе представить.

Люди дела знают Янкеля Ароновича как серьёзного человека, надёжного и ответственного руководителя. В 2011 году решением Городской думы № 548 ему было присвоено звание почётного гражданина города Биробиджана.

Руководители разных уровней всегда ценили Янкеля Шнайдермана за вклад в развитие ЕАО.

Май 2000 г. Янкель Аронович принимает поздравления с 70-летием от губернатора ЕАО Николая Михайловича Волкова.

Каким он был в последние годы, лучше всех знают врачи и жена. Перед ними был по-прежнему элегантный, подтянутый мужчина, умевший пошутить, поцеловать руку женщине, спеть «про водочку», но он всё больше нуждался в поддержке.

Жизнь не бывает длинной. Она всегда коротка, сколько бы человек ни прожил. Вот и Шнайдерман до последнего цеплялся за жизнь, умирать в его планы ну никак не входило. Когда слёг, в окружении остались только самые близкие: дети, супруга, врачи Елена Анатольевна Басова и Ирина Иосифовна Радюшкина, давняя подруга семьи Мария Давидовна Ковальская и её дочь Светлана Руль.

Янкель и Геня прожили вместе 68 лет. Они всегда были рядом. Вместе радовались победам, вместе преодолевали трудности. Они помогали друг другу в работе, по-семейному ездили отдыхать в санатории, обзаводились общими друзьями. Но самым близким другом для Янкеля всегда оставалась жена. Геня была рядом, когда он начинал новое для себя дело, в котором, как и в любом бизнесе, было столько же перспектив, сколько и рисков. Позже Геня водила его по врачам, по ступенькам и даже по собственной квартире. Она стала чутко спать, прислушиваясь по ночам к дыханию мужа, и вставала, если оно казалось неровным и тревожным. А однажды он не проснулся...

2010 г. Геня Айзиковна и Янкель Аронович Шнайдерман на вечере-чествовании семейных пар.

1975 и 2000 годы — Серебряная свадьба и Золотая.

2015 г. 65-летие семейной жизни.

Янкель Аронович Шнайдерман умер 5 января 2018 года, как принято сообщать в некрологах, «после тяжёлой продолжительной болезни». А год спустя в биробиджанском кафе «Симха», что построено неподалёку от места, где в сороковые годы стояла обувная мастерская, собрались за столом его друзья и родственники. Собрались, чтобы помянуть добрым словом и выпить за упокой души, что считается доброй традицией и у евреев, и у русских. Говорили всё больше о нём, вспоминали весёлые и грустные эпизоды жизни, а потом кто-то положил на стол телефон, включил запись – и по залу поплыла песня «Про водочку». Все узнали знакомый голос, пел Янкель Шнайдерман. Люди слушали и улыбались – ему и его песенке. И будто бы он сидел со всеми за одним столом...

11 мая 2018 года в Биробиджане, на доме № 18 по улице Горького, была установлена мемориальная доска. Здесь жил Янкель Аронович Шнайдерман, отсюда он ходил на работу по улицам города, ставшего ему родным. Его жена, дети, друзья и близкие уверены, что он и сейчас в курсе того, чем живёт Биробиджан. Смотрит на город – и радуется за него. Или переживает, когда видит проблемы. Они, говорят, всё видят. Такой человек уйти навсегда просто не может.